

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82.09

doi: 10.18101/1994-0866-2016-2-117-123

К вопросу о жанровом своеобразии «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина

© *Жесткова Елена Александровна*

кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры методики дошкольного и начального образования, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского (Арзамасский филиал) (АФ ННГУ)

Россия, 607220, Арзамас, ул. К. Маркса, 36

E-mail: ezhestkova@mail.ru

Статья посвящена анализу жанрового своеобразия «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Книга синтезированного жанра основана на соединении чисто историографических традиций с приемами образного изображения истории. Слияние этих элементов объясняет наличие огромного количества достоверных фактов, документированных прямым образом с изобразительными элементами, где на первый план выступает и художественность. Это определило основные черты жанровой поэтики произведения: летописный синкретизм, который помог выразить автору русское национальное сознание в его динамике и развитии, а также выработать особенный эпический стиль повествования о героизме русской нации; своеобразная публицистичность, посредством которой в «Истории государства Российского» раскрываются проблемы социальной разделенности нации, человечества, необходимость преодоления этой разделенности; изображение народа в его движении к осознанной исторической деятельности; наличие «переходного», индивидуального героя, «пространственное» и внутреннее преодоление пределов его частного сосуществования составляют основную суть изображения; двуплановость повествования, отражающая проблематичность «мира частного» и «мира общего», истории и человека; система «движущихся антитез» по отношению к цивилизации, а именно разум, трагедийный и одновременно открытый в будущее. Системный подход к выражению структурно-образных жанровых признаков «Истории государства Российского» Карамзина приводит к выводу о том, что труд писателя по своей природе синтезированный — в нем соединены исторические, философские, публицистические, художественные открытия.

Ключевые слова: жанровое своеобразие, летопись, историческое прошлое, синкретизм, эпос.

Проблема художественного своеобразия «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина вызывает огромный интерес у исследователей. На протяжении длительного времени литературоведы так или иначе пытаются определить статус многотомного труда великого писателя и историографа «земли русской». Прослеживаются следующие жанровые рамки произведения: от психологизированной документальной прозы до повествования, обладающего всеми признаками художественности.

Исследованию и изучению «Истории» Карамзина как художественного произведения мешает необычность, а главное — переходность ее жанра.

В пору, когда была поставлена задача познания своего отечества, преодоления механического просветительского взгляда на историю, не ясен был литературный жанр, который должен был осваивать новый материал. Обращение к истории выдвигало требование точности, абсолютной верности материалу, фактам. Карамзин всегда подчеркивал: «История — не роман». Первым и единственным импульсом оказалось стремление приспособить старые жанры для нового содержания.

Художественный «пафос» в «Истории государства Российского» основан на широком использовании Карамзиным документалистики, а документалистика, по справедливому предположению ряда современных исследователей, заключает, «таит» в себе предпосылки художественности [7].

Особенностью жанра «Истории государства Российского» Карамзина является летописный синкретизм [6]. Этот жанр во многом оригинален. Он помогал писателю выразить динамику и развитие русского национального сознания, выработать особый эпический стиль повествования о героической нации, чьи сыны вышли из домашней неизвестности на театр народной жизни. Авторская позиция включает при этом два начала — логико-аналитическое и художественное, помогавших сохранить объективную позицию по отношению к излагаемому материалу и ввести в повествование развернутые психологические характеристики, размышления о тирании, добродетелях народа и т. п., а также острые эпизоды истории, составляющие основу для напряженного сюжетосложения.

В создании жанра Карамзин опирается на национальную традицию, и решающую роль здесь сыграла летопись [3]. О следовании летописным источникам говорит сам Карамзин в предисловии к «Истории государства Российского», желая «представить и характер времени, и характер летописцев».

«История», подхватившая и продолжившая летописную традицию, синтезировала весь опыт древнерусской литературы, заключающий в себе картины древнего быта, памятники народной поэзии, старой письменности. Действительно, в свое произведение Карамзин включил поэтические рассказы о кончине Олега, о Гориславе-Рогнеде, Борисе и Глебе, ослеплении Василька, поучение Мономаха, рассказы о походе князя Игоря, о Евпраксии, взятии Рязани, Евпатии Коловратии и т. п. Все эти истории поданы не в виде сухого пересказа первоисточника, а поэтично, с соответствующим настроением, интонацией, с мастерски сделанными извлечениями [3].

Карамзин художественно переосмысливает летописное происшествие, связанное с душевной болью Гориславы, простившей супругу убийство отца и братьев. Автор описывает «трогательный случай ... в продолжении Несторовой летописи»: «Напомнив жестокому смерть ближних своих и проливая слезы, отчаянная Рогнеда жаловалась, что он (супруг. — *Е. Ж.*) уже давно не любит ни ее, ни бедного младенца Изяслава...» [4, с. 185]. Героиня замышляет убить мужа, однако ей не удается совершить затаенное. «Гневный супруг» решил «собственною рукою казнить преступницу; велел ей украситься брачною одеждою и, сидя на богатом ложе в светлой хранине, ждать смерти» [4, с. 185]. Под пером мастера вырисовывается романтический образ любящей женщины, оскорбленной многочисленными изменами мужа.

Карамзин наполняет свое повествование целым рядом изобразительно-выразительных средств (эпитетами, сравнениями), а также демонстрирует свое мастерство в выборе нужных слов, ибо «искал души и жизни в тлеющих хартиях». К сожалению, этого нельзя в полной мере сказать об источнике произведения — Лаврентьевской летописи, где летописец последовательно передает события. Его повествование менее эмоционально и поэтично, оно носит в большей степени констатирующий характер: «Однажды же, когда он (Владимир. — *Е. Ж.*) пришел к ней (Рогнеде. — *Е. Ж.*) и уснул, она хотела зарезать его ножом; и случилось ему пробудиться, и схватил ее за руку... и повелел ей нарядиться во все убранство цесарское...» [4, с. 186].

Отношение Карамзина к летописным источникам не везде одинаково, ибо перед нами довольно сложный, противоречивый процесс взаимодействия позиции историка и позиции летописца-художника, который обуславливает пересечение различных по своей природе планов повествования: историко-аналитического и образно-эмоционального [3].

В первых томах «Истории государства Российского» Карамзин стремится к строгому распределению этих повествовательных планов: летописно-художественного (допускающего известную «поэтизацию», свободное введение легенды, сказки, предания) и собственно исторического (объясняющего, комментирующего) изложения. Приводя то или иное предание, часто языком предания рассказывая о самом событии, Карамзин не забывает при этом сделать своего авторского примечания: почему он взял это предание, что с исторической точки зрения кажется ему любопытным, поучительным. Заметим, что историограф понимает ценность «басен древности», сознает, что именно эти «басни» хранят «живые черты времени», воспроизводят тот «дух эпохи», который запечатлелся в бесхитростном и простодушном рассказе летописца. Однако Карамзин пытается по-своему рассказать о том или ином событии, поэтому не стремится подменять свое отношение к прошлому отношением летописца. Карамзин-художник говорит по этому поводу следующее: «Таким образом, скончал жизнь Александр (Святослав. — *Е. Ж.*), который столь мужественно боролся и с врагами, и с бедствиями... и снося терпеливо свирепость непогод, ... показал русским воинам, чем могут они во все времена одолевать неприятелей... Но Святослав, образец великих полководцев, не есть пример государя великого: ибо он славу побед уважал более государственного блага, и характером своим пленяя воображение стихотворца, заслуживает укоризну историка» [4, с. 201].

В ходе такого двупланового повествования постепенно возникает противоречие, состоящее в несоответствии нравственной оценки одного и того же события или характера с позиции летописца и с позиции историка. Именно потому то, что представляет собой благо с точки зрения государственного идеала, в летописном освещении оказывается злом, так как летописец не просто констатирует факт, он по-своему раскрывает его этический смысл [2]. Отсюда — особое двойное освещение каждого события и каждого характера, и, несмотря на то, что внешне структура повествования не меняется, к VII тому исторический комментарий Карамзина все более утрачивает свою независимость, как бы подпадая под влияние неумолимой логики летописного факта.

В первых томах предательство, жестокость, вероломство князей не осуждаются историком нравственно. Достаточно вспомнить оправдательные слова Карамзина в адрес Владимира Мономаха: «Пороки не человека, но века» [4, с. 127]. Соперники, претендующие на великокняжеский престол, безжалостно убивают друг друга, не гнушаясь при этом никакими средствами, — к этому летописец-художник и историк относятся по-разному: историк констатирует, а летописец-художник сожалеет, скорбит. Несмотря на это, от тома к тому происходят незаметная контаминация, большее стирание грани между точкой зрения бесстрастного созерцателя событий и летописца-художника.

В этом плане интересен VI том «Истории». В нем отчетливо проясняется тяготение Карамзина к иному, по сравнению с предыдущими томами, методу повествования. Рассказывая о великом князе Иоанне Васильевиче, Карамзин сомневается в том, какую точку зрения относительно данной государственной личности принять: действительно ли Иоанн III — государь, «разгадавший тайну самодержавия», или он — олицетворение жестокости, насилия, непомерного тщеславия. Постепенно приходим к выводу, что в VI томе возобладала «государственная» точка зрения, и под пером Карамзина возник облик «колосса российского».

Совершенно иное положение в следующем VII томе. Основное внимание писателя сосредоточено на событии исключительной государственной важности — покорении Пскова. Это бескровное покорение описано с драматизмом. «На улицах, в домах раздавалось стенание: все обнимали друг друга как в последний час жизни». Это позиция псковского летописца, его отношение к происходящему: «И бѣ тогда во Псковѣ плачь и стонаше во всѣхъ домѣхъ, другъ друга обнимающе» [5, с. 16].

Карамзин понимает, что летописец рассуждает далеко не в пользу самодержца, однако рассказ историка подкупает нравственной свободой, глубокой эмоциональностью и внутренним бесстрашием. Псков — символ воли и мужества прашуров — покорился, как покоряются, по мысли Карамзина, только истинно свободные люди. Именно поэтому историк предоставляет место летописцу, который «переживает» эти события, раскрывает в самом описании добро и зло, изначальную природу вещей.

Постепенно Карамзин все более подчиняет стиль изложения своим, в большей степени художественным, задачам, но в то же время не отказывается от летописного метода повествования: рассказчик описывает события так, как будто видел все собственными глазами. Поэтому-то и возникает эмоциональная точность, которая придает повествованию убедительную достоверность, хотя это уже художественный прием, создающий иллюзию достоверности. Не случайно в центре повествования о «смутном времени» стоит событие, документально не подтвержденное, — убийство царевича Димитрия. Заметим, что именно им соединены все другие события и обстоятельства «смутного времени», определена психологическая доминанта характера Годунова [3].

Как и летописец, Карамзин-художник ориентирован на изображение подлинных фактов истории, даже легендарных событий, о которых повест-

вовали изустные сказания, они воспринимались древнерусскими авторами как «быль». Историограф же, напротив, тщательно отделяет «легендарное» от «документального», всякий раз указывая на сведения, проистекающие из предания, а не из документа. В этом отношении автор «Истории» – аналитик, ученый.

Художественный смысл «Истории» заключается в том, что она призвана повествовать о подлинно национальных сторонах, тенденциях национального бытия, стремиться к осмыслению жизни всего национального общества в аспекте его становления, а отсюда и к изображению героев, воплощающих в силу своего положения общественную судьбу, в широком смысле слова – национальную. Таково ее жанровое содержание, которое объективно требует для своего воплощения монументальной формы. Основными чертами жанра карамзинского произведения являются также:

а) своеобразная публицистичность, посредством которой в «Истории» раскрываются проблемы социальной разделенности нации, человечества, необходимость преодоления этой разделенности, изображение народа в его движении к осознанной исторической деятельности;

б) наличие «переходного», индивидуального героя, «пространственное» и внутреннее преодоление пределов своего частного сосуществования; составляет основную суть изобретения;

в) двуплановость повествования, отражающая проблематичность «мира частного» и «мира общего», истории и человека;

г) система «движущихся» антитез по отношению к цивилизации, а именно «разум», трагедийный и одновременно открытый в будущее. Именно поэтому героем «Истории» Карамзина становится нация в состоянии осознания и преодоления социального раскола.

Карамзин создает книгу синтезированного жанра, которая основана на соединении чисто историографических традиций с приемами образного изображения истории. Слияние этих элементов объясняет наличие огромного количества достоверных фактов, документированных Карамзиным прямым образом с изобразительными элементами, где на первый план выступает и художественность. Соотношение достоверного и художественного в «Истории государства Российского» Карамзина распределено неравномерно. Там, где писатель изображает явление событийного характера, очень часто поэтическая стилистика преобладает над чисто документальным изображением. Поэтическая стилистика сказывается у Карамзина и там, где он переходит к рассуждениям о законах нравственности, которые довлеют над человеком или должны были определять логику развития его отношений. Эта стилистика еще угадывается в тех местах, где автор выражает или сожаление, или радость по поводу исхода решения тех или иных конфликтных ситуаций истории.

В своем труде Карамзин выступает и как историк, и как художник, и как моралист, глубоко укорененный в православном веровании, всегда помнящий, думающий о Провидении, которое в конечном итоге столь часто упоминается в книге и становится как бы самостоятельным художественным

образом. Все эти компоненты повествования, изложения истории как раз и составляют отличительную черту литературной манеры Карамзина как историка, но историка, совершенно органически слитого с художником.

Литература

1. Жесткова Е. А. Н. М. Карамзин в художественном сознании М. Ю. Лермонтова // Вестник Бурятского государственного университета. Филология. — 2015. — Вып. 10(1). — С.135–138.
2. Жесткова Е. А. Эпоха Иоанна Грозного в изображении Н. М. Карамзина и А. К. Толстого // Мир науки, культуры, образования. — 2011. — № 6 [31]. — С. 290–292.
3. Жесткова Е. А. Художественный компонент в повествовательной структуре «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина: дис. ... канд. филол. наук. — Пенза, 2006.
4. Карамзин Н. М. История государства Российского: в 12 т. — Т. 9. — М.: Рипол классик, 2001.
5. Летопись по Лаврентьевскому списку. — СПб., 1897.
6. Лузянина Л.Н. «История государства Российского» Н.М. Карамзина и трагедия Пушкина «Борис Годунов» (к проблеме характера летописца) // Русская литература. — 1971. — № 1. — С. 30–42.
7. Макогоненко Г. П. Литературная позиция Карамзина в XIX в. // Русская литература. — 1967. — № 1. — С. 14–36.

About the genre originality of N. M. Karamzin's «History of the Russian State»

Elena A. Zhestkova

PhD in Philology, A/Professor, Department of Methods for Preschool and Primary Education, N. Lobachevsky Novgorod State University (Arzamas branch)

36 K. Marksa St., Arzamas 607220, Russia

In the article we have analyzed the genre originality of N. M. Karamzin's "History of the Russian State". Karamzin created the book in a synthesized genre, which was based on combination of purely historiographical traditions and the methods of word-painting. Merging of these elements explains the large number of reliable facts, documented by Karamzin directly with figurative elements, thus the artistry comes to the fore. We have highlighted the main features of genre poetics in the work. Chronicle syncretism helped the author to express Russian national consciousness in its dynamics and development, as well as to work out the specific epic style of narration about heroism of the Russian nation. By the means of political journalism N. M. Karamzin revealed the problems of national and social division of mankind in "History of the Russian State", and emphasized the need to overcome this separation. Representation of people in their drive for conscious historical activity; presence of a "transitional" character, "spatial" and internal overcoming of individual co-existence limits made up the essence of presentment. The narrative duality of the work reflected in uncertainty of "individual world" and "common world", the history and a human. The systematic approach in expression of figurative genre features of Karamzin's "History of the Russian State" makes it possible to say that the composition is synthesized in its nature and connects the historical, philosophical, journalistic, and artistic discoveries.

Keywords: genre originality, chronicle, the historical past, syncretism, epic.

References

1. Zhestkova E. A. N. M. Karamzin v khudozhestvennom soznanii M. Yu. Lermontova [N. M. Karamzin in the Artistic Consciousness of M. Yu. Lermontov]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya — Bulletin of Buryat State University. Philology*. 2015. No. 10 (1). Pp.135–138.
2. Zhestkova E. A. Epokha Ioanna Groznogo v izobrazhenii N. M. Karamzina i A. K. Tolstogo [The Epoch of Ivan the Terrible in Representation of N. M. Karamzin and A. K. Tolstoy]. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya — The World of Science, Culture, Education*.
3. Zhestkova E. A. *Khudozhestvennyi komponent v povestvovatel'noi strukture «Istorii gosudarstva Rossiiskogo» N. M. Karamzina: dis. ... kand. filol. nauk* [The Artistic Component in the Narrative Structure of N. M. Karamzin's "History of the Russian State". Cand. philol. sci. diss.]. Penza, 2006.
4. Karamzin N. M. *Istoriya gosudarstva Rossiiskogo* [History of the Russian State]. In 12 v. Moscow: Ripol klassik Publ., 2001. V. 9.
5. *Letopis' po Lavrent'evskomu spisku* [Chronicle on Lavrentian list]. St. Peterburg, 1897.
6. Luzyanina L. N. «Istoriya gosudarstva Rossiiskogo» N. M. Karamzina i tragediya Pushkina «Boris Godunov» (K probleme kharaktera letopistsa) ["History of the Russian State" of N. M. Karamzin and Pushkin's Tragedy «Boris Godunov»]. *Russkaya literatura — Russian Literature*. 1971. No. 1. Pp. 30–42.
7. Makogonenko G. P. Literaturnaya pozitsiya Karamzina v XIX v. [N. M. Karamzin's Literary Attitude in the 19th Century]. *Russkaya literatura — Russian Literature*. 1967. No. 1. Pp. 14–36.